

УДК 1 (091)

ПОСТИЖЕНИЕ ФЕНОМЕНА МОЛЧАНИЕ: ВИТГЕНШТЕЙН И ВОСТОЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ (НА ПРИМЕРЕ ДАОСИЗМА И БУДДИЗМА)

Е.Ю. Федотова

ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», г. Тамбов

В статье проводится компаративный анализ философии Людвиг Витгенштейна и восточных философских систем, представленных даосизмом и буддизмом, в их отношении к осмыслению феномена «молчание». Автор предлагает рассмотреть поставленную проблему в трех основных аспектах: 1) понимание философии как деятельности и определение в ней роли языка; 2) обособление показывания как третьего способа коммуникации, отличного от говорения и молчания; 3) обозначение специфики понимания молчания в контексте витгенштейновской и восточной философской мысли. Данное исследование нацелено на выявление сходств и различий в понимании категории молчания двумя рассматриваемыми философскими системами. Результаты анализа указывают на то, что концепт молчания в философии Витгенштейна, несмотря на выявленные различия, имеет очевидные сходства с представлениями о нем в восточной философии. Следовательно, эти традиции являются взаимодополняемыми и понимание одной из них способствует более глубокому пониманию другой.

Ключевые слова: *Витгенштейн, восточная философия, молчание, даосизм, дзен-буддизм, компаративный анализ.*

Проблема взаимодействия языка и мира всегда вызывала интерес как в западной, так и в восточной философии. В частности, особое внимание по-прежнему уделяется молчанию, представляющему собой специфическую категорию языка. В мировой философии можно обнаружить множество идей осмысления феномена молчания, однако, на наш взгляд, наиболее результативной представляется идея сопоставления видений двух философских систем, принадлежащим к разным культурным традициям и способам мышления. В данной статье предлагается проанализировать феномен молчания в творчестве выдающегося западного философа Людвиг Витгенштейна и восточной философии: даосизме и буддизме. Приступая к компаративному анализу разных философских традиций, в рассматриваемом случае относящихся к культурам Запада и Востока, следует обратить внимание на необходимость выявления как сходств, так и различий между исследуемыми философскими системами.

Следует отметить, что проблема сравнения творческого наследия Витгенштейна и восточных философских систем не получила широкого освещения в отечественной литературе и представлена единичными публикациями исследователей, наиболее значимыми из которых, на наш взгляд, являются «Витгенштейн и дзен-буддизм» М.С. Козловой и «Деятельность с умом, очищенным от мысли? (Л. Витгенштейн и восточная философия)» Т.Н. Панченко, где сопоставляются различные аспекты витгенштейновской и восточной философской мысли. Среди исследований зарубежных ученых, проведенных в обозначенной сфере, можно выделить следующие: «Чань-буддизм, даосизм и Витгенштейн» Т. Томинага, «Дзен Витгенштейна» С. Макграта, «Хайдеггер и Витгенштейн: поэтика молчания» С. Биндемана, в котором анализируется специфика категории молчания в философии Витгенштейна и др.

В процессе сопоставления европейской философии и неевропейских философских традиций А.В. Горин указывает, что «наиболее плодотворно оказывается сравнивать не содержания (понятия), а проблемные поля и движимые ими стратегии мысли, методы» [1, с. 58]. Однако для того чтобы адекватно определить область предстоящего анализа, следует обозначить и прояснить ключевые категории исследуемых философских систем, которыми необходимо оперировать при проведении сопоставительного анализа, так как это создаёт возможность построения целостной картины исследования. В рамках данного исследования предполагается сопоставить философское понимание языка и определение природы молчания в творчестве Людвиг Витгенштейна и восточных философских системах даосизма и буддизма в нескольких аспектах. В первую очередь анализируется понимание философии не как теории, а как деятельности. Такой подход характерен как для Витгенштейна, так и для восточных философских практик. При этом следует особое внимание уделить осмыслению роли языка в контексте такой деятельности. Вторым ключевым аспектом исследования является определение *показывания* как способа общения, отличного от говорения и молчания, и выявление характерных особенностей данной категории согласно философии Витгенштейна и философским системам даосизма и буддизма. Третий раздел посвящен специфике осмысления феномена молчания в контексте витгенштейновской и восточной философской мысли.

1. Философия как деятельность

В начале XX столетия видные представители западной культуры и философии отправились в «паломничество на Восток» [2, с. 139]. Но ничего неизвестно о наличии достоверных доказательств того, вступил ли в их ряды Витгенштейн. Не представляется возможным с уверенностью сказать, что какие-либо конкретные восточные философские школы оказали непосредственное влияние на становление его философии. Тем не менее неоспоримым является тот факт, что, несмотря на очевидные культурные различия Запада и Востока, многие исследователи отмечают яв-

ные сходства между творческим наследием Витгенштейна и восточных философских учений. Чаще всего философию Витгенштейна сравнивают с *даосизмом* и *буддизмом*, где последний представлен преимущественно японским дзен-буддизмом. Важно отметить, что сам термин «дзен» происходит из санскритского понятия «дхьяна» и китайского «чань». Данные категории имеют значение «сосредоточения духа в молчании» [3, р. 38]. Исходя из этого определения, дзен-буддизм, сформированный при сильном влиянии даосизма, следует рассматривать не как некую доктрину или догму, но как практику. В этом аспекте наблюдаются определённые сходства с философией Витгенштейна, утверждающего, что философия это «не учение, а деятельность» [4, с. 24].

Согласно раннему Витгенштейну, философия как деятельность «состоит из разъяснений», а её цель представляет собой «логическое прояснение мыслей» [4, с. 24]. По существу, любое разъяснение – это разъяснение на языке. В этом отношении философия должна позаботиться о соответствующем языке, который был бы способен логически прояснить мышление. В «Трактате» Витгенштейн указывает: «Мысль – осмысленное предложение» [там же, с. 18]. Следовательно, философия представляет собой критику языка – такую деятельность, которая позволяет обнаруживать или определять смысл предложений.

Необходимо отметить, что поздний Витгенштейн придаёт философии несколько иное – терапевтическое – значение. Если цель философии, согласно раннему периоду творчества Витгенштейна, заключается в логическом прояснении мыслей, то цель «терапевтической» философии «состоит в том, чтобы избавиться от недоразумений относительно используемых слов» [5, с. 26]. Утратив в своём философствовании оттенок мистицизма, присущий «Трактату», Витгенштейн сближается с позицией дзен-буддизма в том, что процессу коммуникации зачастую свойственна путаница при использовании понятий в контексте тех или иных ситуаций; человеческий разум склонен заблуждаться. Следовательно, философия как деятельность превращается в борьбу «против зачаровывания нашего интеллекта средствами нашего языка» (§109) [4, с. 127]. Иными словами, «Витгенштейн следует пути дзен-буддизма» [3, р. 41], с той лишь разницей, что в философии Витгенштейна понимание деятельности неразрывно связано с функционированием языка.

В восточной философии картина соотношения языка и деятельности выглядит несколько по-иному, нежели витгенштейновская. Очевидно, что практическая сторона философии буддизма не представляет значительных сложностей для восприятия на Западе. Более того, буддизм приобрёл статус не просто особенной экзотической, но «аналитической религии» [6, с. 21]. Однако восприятие языка в традиции восточных философских учений имеет свои специфические нюансы. Отноше-

ние к языку, в частности к говорению посредством слов, в большинстве случаев носит негативный оттенок. В буддизме язык часто рассматривается как препятствие на пути к *просветлению*. Ведь став просветлённым, достигнув заветной цели – нирваны, Будда погрузился в «благородное молчание». Будда никогда прямо не отвечал на вопрос, что же такое нирвана: он старался хранить молчание. Е.А. Торчинов отмечает, что в данном случае «Будда оказывается прямым предшественником знаменитого философа XX в. Л. Витгенштейна, провозгласившего: о чем нельзя говорить, о том следует молчать» [7, с. 45]. В этом отношении американский исследователь буддийской философии М. Д'Амато указывает на то, что «в языке и концептуализации коренятся проблемы разумного существования; язык и концептуализация представляют собой основные причины страдания разумных существ» [8, р. 41–42]. В итоге получается, что необходимым условием избавления от страданий и достижения просветления является отказ от языка в пользу молчания.

2. Показывание как «третий способ» коммуникации

Таким образом, именно молчание занимает приоритетное, по отношению к языку, положение в восточных философских практиках. Но, с другой стороны, если язык мешает достичь просветления и от него необходимо отречься, то возникает вопрос: каким образом возможно понять опыт просветления и описать его сущность, если сам язык не может быть использован для этих целей? Ответ на этот вопрос заключается в том, что помимо языка и молчания существует «третий способ» коммуникации, который известный буддолог Г. Чанг описывает следующим образом: «...третий способ заключается в описании посредством прямого “указывания” или показывания. Иностранному студент спросил преподавателя английского языка: “What is a table?” Но вместо того чтобы рассказать, что стол представляет собой разновидность мебели, состоящей из плоской доски и стоящей на ножках, преподаватель ударил кулаком по столу напротив него и произнёс: “This is a table!” Это пример прямого показывания. Никакого объяснения или понятия здесь не требуется» [9, р. 63]. Кроме того, дзен-буддийские философы выступают против критикуемой поздним (но разделяемой ранним) Витгенштейном «августинианской» концепции языка, согласно которой конкретное понятие соответствует определённому предмету. Философы-буддисты подчёркивают тот факт, что язык является лишь «пальцем, указывающим на луну, но не самой луной» [3, р. 40]. Иными словами, следует смотреть не на палец, а на то, на что этот палец указывает. Как в философии Витгенштейна, так и в буддизме, смысл не может быть сказан, а только показан.

Здесь следует отметить, что показывание в философии Витгенштейна можно рассмотреть с двух позиций. С одной стороны, он рассматривает показывание как элемент *изобразительной* (picture), или, как ее ещё называют, *пиктографической*, теории предложений – теории, со-

гласно которой предложения являются картинами той реальности, которую они описывают [10, р. 119]. Для раннего Витгенштейна «все предложения повседневного языка являются “картинами”, описывающими ту или иную ситуацию в логическом пространстве» [5, с. 46]. Эта идея Витгенштейна заключает в себе представление, что логические предложения являются основными носителями смысла. «Предложение *показывает* логическую форму действительности. Оно предъявляет ее» [4, с. 25]. Логическая форма, в свою очередь, в «Трактате» представлена «важнейшим условием репрезентации и коммуникации» [11, с. 65]. Также Н.В. Медведев подчёркивает, что «через логическую форму репрезентируются все наши знания о фактах действительности, но саму эту форму выразить невозможно: она лишь показывает себя» [там же, с. 65–66]. Однако впоследствии изобразительная теория предложений, потребность в которой казалась очевидной в «Трактате», была подвергнута критике самим Витгенштейном в его поздних работах. Наиболее полное ее переосмысление отображено в «Философских исследованиях» (1953).

С другой стороны, ряд исследователей отмечают, что категория показывание выступает как способ коммуникации. В качестве примера можно привести позицию румынского исследователя Ш. Влэдуцэску, который указывает, что Витгенштейн между говорением и языковым молчанием помещает *показывание*: то, что не может быть сказано, «показывает себя» (6.522) [4, с. 72]. В качестве примера он приводит взгляд, который не относится ни к сфере говорения, ни к области молчания [12, р. 83]. Взгляд не молчит, но и не располагается в логическом пространстве: он показывает. Кроме того, Н.В. Медведев в своём исследовании отмечает, что Витгенштейн «рассматривает возможность человеческой коммуникации без артикулированной речи или письма, построенной на одних лишь жестах, мимике, осуществляемой на довербальном уровне понимания» [5, с. 64]. Таким образом, показывание не принадлежит молчанию, но вместе с тем не является актом осмысленного говорения. Показывание не молчит, тем не менее его нельзя назвать логическим. Не располагаясь в логическом пространстве, показывание не побуждает к молчанию. Следовательно, все то, что не может быть сказано, может быть показано. В результате показывание является ключевым элементом выражения мысли, наравне с говорением и молчанием, что справедливо как для философской мысли Востока, так и для философии Витгенштейна.

3. «О чём невозможно говорить, о том следует молчать»

Молчание занимает особое место в творчестве Витгенштейна. Седьмой тезис «Трактата»: «О чём невозможно говорить, о том следует молчать» (7) [4, с. 73] – не является неким обособленным или случайным утверждением Витгенштейна, по сути – это логическое завершение основной идеи его труда. Ещё в предисловии к «Трактату» он подчёркивает: «Смысл книги в целом можно сформулировать приблизительно так: то, что вообще может быть сказано, может быть сказано ясно, о том

же, что сказать невозможно, следует молчать» [там же, с. 3]. Ключевым моментом в понимании такого молчания следует считать не отсутствие звука, так как это не простое безмолвие, лишенное мысли, но отсутствие осмысленного произнесения слов вслух, т. е. отсутствие логически правильного говорения. Н. Гарвер в своей работе обращает внимание на то, что, «так же как говорение включает в себя не только произнесение слов, молчание представляет собой не просто отсутствие звука» [13, р. 68]. То, что может быть сказано, согласно Витгенштейну, должно иметь смысл. Это означает, что сказанное, вне зависимости от того, является оно истинным или ложным, может быть разъяснено логически. Таким образом, бессмысленно все то, что не может являться однозначно истинным или ложным. Противоречия не могут быть истиной, равно как и тавтологии не могут быть ложью: они ничего не говорят о фактах мира и, следовательно, лишены смысла.

В восточных философских традициях молчанию придаётся несколько иное значение. Здесь наблюдается явное недоверие к передаче знаний от одного человека другому посредством слов. В конечном итоге это приводит к «превозношению молчания». Т.Н. Панченко определяет отношение последователей буддизма и даосизма к использованию языка и молчания в коммуникативных целях следующим образом: «Молчание как истинная форма коммуникации противопоставляется ими обыденной коммуникации посредством слов» [2, с. 141]. В своё время, на много столетий ранее чем Витгенштейн, Лао-цзы достиг пределов языка. Это способствовало его осознанию того, что возможно «управлять ситуацией без действия и “осуществлять учение, не прибегая к словам”» [там же, с. 147]. Т.Н. Панченко, указывая на то, что философ может учить без слов, показывая, служа примером собственных ценностей, предполагает, что, может быть, то же самое имеет в виду и Витгенштейн, когда говорит, что следует молчать о том, о чём невозможно говорить [там же].

Однако у Витгенштейна наблюдается явное отличие от восточных философских учений в том, что он подразумевает под молчанием прежде всего отсутствие логически верного высказывания. Как подчеркивает Н. Гарвер, неверно употребленные подобным образом слова не имеют смысла, «даже если они будут не только произнесены, но... если мы прокричим их с крыши. Выкрикивание ни о чем не говорит» [13, р. 68]. Из этого следует, что в данном контексте даже выкрикивание мы можем отнести к некой форме молчания, так как оно не располагается в логическом пространстве. Безусловно, роль, которую молчание играет в философии раннего Витгенштейна, не менее значима, чем в буддизме или даосизме. Но она иная. Т. Томинага подчёркивает, что ранний Витгенштейн «предназначает молчанию роль логического индикатора, который сообщает, когда достигаются пределы языка», тогда как в буддизме и даосизме «молчание действует как онтологическая предпосылка возможности языка, а не как следствие, диктуемое невозможностью

речи» [14, р. 141]. В этом аспекте наблюдается уже сходство восточных философских традиций с философией Мартина Хайдеггера, определявшего молчание в качестве истока речи.

Следует отметить, что, пересмотрев многие положения своей философии раннего периода, поздний Витгенштейн, по сути, не разработал новой концепции языка, но он продолжил в «Философских исследованиях» (1953) анализ повседневного языка, представляющего один из компонентов молчания в соответствии с «Трактатом». Молчание определяется как место для языковых игр, в которых значение слова дано через его употребление в говорении. Таким образом, молчание у Витгенштейна позднего периода по большей части утратило мистический оттенок, роднящий его творчество с восточной философией. Но взамен старым сходствам философская мысль Витгенштейна приобрела новые сходства с философией даосизма и буддизма, которых ранее не наблюдалось. Прежде всего это терапевтическое понимание философии. Витгенштейн указывает, что «пожалуй, нет какого-то одного метода философии, а есть методы наподобие различных терапий» (§133) [4, с. 132]. Так и буддизм, отвергая какой-либо установленный и признанный философский метод, выражаясь словами Витгенштейна, ведёт борьбу «против зачаровывания нашего интеллекта средствами нашего языка». Исходя из того, что «Философские исследования» и философские учения Востока не являются тождественными друг другу, их сопоставительный анализ способствует более глубокому пониманию некоторых ключевых моментов осмысления феномена молчания в их философских системах.

Сравнение творчества Витгенштейна с восточной философией способствует некоторому прояснению его сложной философской системы. Необходимость такого прояснения результатов напряжённой работы его мысли обуславливается тем фактом, что философия Витгенштейна оказала и по-прежнему продолжает оказывать столь сильное влияние не только на современную западную, но и восточную философию.

Несмотря на очевидные различия в двух философских системах, не представляет трудности обнаружить явные сходства в философии Витгенштейна и восточных философских практиках. Прежде всего, они заключаются в том, что философия – это реализуемая на практике деятельность, но не догма или теоретическое учение. Цель философии Витгенштейна, заключающаяся в критике языка и, как следствие, логическом прояснении мыслей, созвучна с устремлением даосизма и буддизма к прояснению деятельности ума на пути к достижению просветления. Однако если у Витгенштейна деятельность философии непосредственно связана с функционированием языка – это либо логическое прояснение мыслей, согласно раннему периоду творчества, либо «терапия» в поздний период, то даосизм и буддизм вообще не доверяют языку как коммуникативному инструменту для передачи знаний и опыта, предпочитая ему молчание. Так или иначе, Витгенштейн и восточные фило-

софские учения сходятся в том, что существует нечто, невыразимое посредством слов. Данная проблема решается при помощи третьего способа коммуникации – показывания, не относящегося ни к говорению, ни к молчанию.

Молчание играет значимую роль как для Витгенштейна, так и для восточной философии. Эти два способа практики молчания, не являясь по существу тождественными, дополняют друг друга. Таким образом, философия Витгенштейна не только демонстрирует явное сходство с мыслью восточных философских практик, но и может быть осмыслена как способствующая их пониманию. Равно как и наоборот: понимание даосизма и буддизма может оказать значительную помощь в достижении более полного представления о философии Витгенштейна.

Список литературы

1. Горин А.В. Границы языка и язык границ. Витгенштейн и дзэн // Путь Востока. Проблема методов: материалы IV Молодежной науч. конф. по проблемам философии, религии, культуры Востока. Сер. Symposium, Вып. 10. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 57–61.
2. Панченко Т.Н. Деятельность с умом, очищенным от мысли? (Л. Витгенштейн и восточная философия) // Современная аналитическая философия. Вып. 3. 1991. С. 138–167.
3. Băiaș C. Non-argumentative rhetoric: aspects of Zen rhetoric // Professional Communication and Translation Studies. 2013. V. 6 (1–2). P. 35–42.
4. Витгенштейн Л. Философские исследования / пер. с англ. М.: Гнозис, 1994. Ч. I. 612 с.
5. Медведев Н.В. Философия Людвига Витгенштейна и проблемы понимания других культур. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. 382 с.
6. Рыскельдиева Л.Т. Основы буддийской метафизики «дхармы» // Учен. зап. Таврич. национального ун-та им. В.И. Вернадского. Сер. Философия. Культурология. Политология. Социология». 2009. Т. 22 (61). № 2. С. 21–28.
7. Торчинов Е.А. Философия буддизма Махаяны. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. 320 с.
8. D'Amato. M. Why the Buddha Never Uttered a Word // D'Amato M., Garfield J.L., Tillemans T.J. Pointing at the Moon: Buddhism, Logic, Analytic Philosophy. Oxford: Oxford University Press, 2009. 200 p.
9. Chang G. The Buddhist Teaching of Totality: The Philosophy of Hwa Yen Buddhism. University Park: The Pennsylvania State Press, 1971. 300 p.
10. Monk R. Ludwig Wittgenstein: The Duty of Genius. Penguin Books, 1991. 154 p.

11. Медведев Н.В. Трансформация философии (к 125-летию со дня рождения Людвиг Витгенштейна) // Философские традиции и современность. 2014. № 1(5). С. 63–80.
12. Vlăduțescu Ș. Communication of Silence at Ludwig Wittgenstein: Linguistic Silence // International Letters of Social and Humanistic Sciences, 2014. № 5. P. 81–86.
13. Garver N. The «Silence» of Wittgenstein and Kraus // Interdisciplinary conference on Writing the Austrian Tradition. Toronto, 2000. P. 67–79.
14. Tominage T.T. Ch'an, Taoism and Wittgenstein // Journal of Chinese philosophy. Honolulu, 1983. V. 10. № 2/3. P. 127–145.

**COMPREHENSION OF THE PHENOMENON OF SILENCE:
WITTGENSTEIN AND EASTERN PHILOSOPHY (BY THE
EXAMPLE OF TAOISM AND BUDDHISM)**

E.Yu. Fedotova

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

The article presents a comparative analysis of the philosophy of Ludwig Wittgenstein and eastern philosophical systems that represented by Taoism and Buddhism, in their attitude to the phenomenon of silence. The author of the article examines the problem in three main aspects: 1. understanding of philosophy as an activity and defining the role of language in it; 2. setting apart of showing as a third mode of communication from speaking and silence; 3. The designation of the specifics of understanding of silence in the context of wittgensteinian and eastern philosophical thought. This study aims to identify similarities and differences in the understanding of the category of silence in two considered philosophical systems. The results of this analysis indicate that the concept of silence in Wittgenstein's philosophy, in spite of the identified differences, has obvious similarities to the idea of it in Eastern philosophy. Consequently, these philosophical traditions are complementary and understanding of one of them contributes to a better understanding of the other.

Keywords: *Wittgenstein, Eastern philosophy, silence, Taoism, Zen Buddhism, comparative analysis.*

Об авторах:

ФЕДОТОВА Екатерина Юрьевна – аспирант кафедры философии, ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», Тамбов. E-mail: kater.-ina@mail.ru

About the author:

FEDOTOVA Ekaterina Yuryevna – post-graduate student, department of philosophy, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov. E-mail: kater.-ina@mail.ru